

Е. Г. Водичев

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА И АЗИАТСКАЯ РОССИЯ: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ МЕХАНИЗМОВ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

doi: 10.30759/1728-9718-2019-3(64)-57-64

УДК 94(43)+(470+574+510)“19” ББК 63.3

Статья представляет собой компаративное исследование эволюции границ и трансграничных территорий в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), ныне входящих в Европейский Союз (ЕС), и в азиатской части России. Методологической основой статьи является теория трансграничных взаимодействий О. Мартинеса, в рамках которой выделяются отчужденные, сосуществующие, взаимозависимые и интегрированные приграничные регионы. Представлена характеристика каждого из выделенных форматов приграничных и трансграничных территорий. Особое внимание уделено институциональным аспектам трансграничного сотрудничества в Европе, прежде всего — модели еврорегионов. Охарактеризованы цели создания и особенности еврорегионов как механизма трансграничного сотрудничества. Отмечен опыт использования институционального формата еврорегионов на границах европейской части России и стран-членов ЕС. Выявлены базовые тренды, и показаны различия в изменении функций границ и форматов трансграничных взаимодействий в ЦВЕ и в азиатской части России, главным образом — в российско-казахстанском и российско-китайском приграничье. Охарактеризованы особенности трансграничных взаимодействий на границах России с Казахстаном и КНР. Сформулированы представления о рисках и ограничениях в развитии системы трансграничных взаимодействий на востоке России. Сделан вывод о принципиально отличающихся векторах развития и условиях интеграции стран ЦВЕ и азиатской части России и сопредельных государств, что делает невозможным прямое использование модели развития трансграничных территорий на востоке России по типу еврорегионов в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

Ключевые слова: *границы, трансграничные территории, трансграничное сотрудничество, трансграничные институты, страны ЦВЕ, еврорегионы, Азиатская Россия*

Постановка проблемы, теоретический и историографический анализ. Появление новых межгосударственных границ, как и изменение функций границ, ставшее следствием распада СССР, актуализировали трансграничную проблематику. Такие процессы отнюдь не являлись «специфической привилегией» постсоветского пространства. Принципиально изменилась ситуация и в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ). Модификация функций границ государств, радикально изменивших вектор своего геополитического притяжения, а также возникшие там и/или перенесенные на новую почву институциональные механизмы трансграничных взаимодействий представляют большой интерес для современных российских практик. В этой свя-

зи, как с точки зрения верификации теории границ, так и с позиции оценки возможностей институциональных механизмов, весьма актуальны компаративные исследования проблем приграничья и трансграничья на востоке Европейского союза и в Российской Федерации.

Адекватной основой для такого исследования является классификационная схема границ и приграничных территорий, восходящая к разработкам О. Мартинеса.¹ Она включает в себя четыре группы территорий — отчужденные, сосуществующие, взаимозависимые и интегрированные приграничные регионы.

Под отчужденными понимаются приграничные территории, подверженные жесткому контролю, что часто связано с осложненными межгосударственными отношениями. Очевидно, что при этом доминируют барьерные функции границы, при которых любые трансграничные контакты крайне затруднены.

В рамках сосуществующих приграничных регионов происходит некоторое оживление

*Водичев Евгений Григорьевич — д.и.н., профессор кафедры международных отношений и регионоведения, Новосибирский государственный технический университет (г. Новосибирск); профессор кафедры отечественной истории, Национальный исследовательский Томский государственный университет (г. Томск)
E-mail: vodichev@mail.ru*

¹ См.: Martinez O. J. The Dynamics of Border Interaction. New Approach to Border Analysis // World Boundaries. London; New York, 1994. Vol. 1. Global Boundaries. P. 1–5.

трансграничных контактов, однако они носят спорадический характер и исключают возможность разработки взаимно согласованных стратегий развития сопредельных территорий. По-прежнему доминирует барьерная функция границы, которая выражается в строгом пограничном контроле, в визовом и таможенном режимах, в других сложностях при любых трансграничных операциях.

Для взаимозависимых территорий характерна большая интенсивность трансграничных контактов, которые опираются на соответствующие институциональные механизмы. Выражением взаимозависимости территорий является стремление к созданию широких возможностей для стабильных социальных и культурных трансграничных процессов вдоль государственной границы.² Сама граница приоткрывается, создаются предпосылки для ее трансформации в зону стабильных трансграничных контактов.

Наконец, интегрированные территории, как правило, опираются на согласованные стратегии развития, что фактически трансформирует их в единый трансграничный регион.³ Барьерные функции границы окончательно уступают место контактными: граница становится скорее мостом, чем рубежом между государствами. Институциональные механизмы и практики максимально облегчают трансграничные взаимодействия, являющиеся частью повседневной жизни, что способствует развитию территорий особой идентичности. По утвердившемуся мнению, «общей закономерностью является прямая зависимость контактности границ от: 1) уровня развития стран-партнеров, 2) их культурной близости, 3) схожести национальных экономических и правовых систем, 4) взаимной близости и соседства».⁴

Следует подчеркнуть, что каждый из аспектов проблемы, ставшей предметом данного исследования, имеет свою историографию, подробная характеристика которой заслуживает отдельного внимания, оставаясь за рамками данной статьи. Существует немало

работ, посвященных тенденциям в развитии приграничных территорий ЦВЕ. Эти сюжеты исследовались специалистами из многих европейских стран, среди которых наибольшей активностью отличались географы и экономисты (J. Dokoupil, T. Navlicek, M. Jerabek, T. Kaczmarek, U. Kivikari, A. Niebuhr, Z. Rykiel, T. Stryjakiewicz, C. Waack и др.). Анализ трендов приграничного сотрудничества в ЦВЕ, а также на границах России и ЕС, также обнаруживаем и во многих исследованиях российских авторов, прежде всего в работах географической и политологической направленности (публикации Л. Б. Вардомского, В. А. Колосова, А. В. Кузнецова, В. М. Кузьмина, Н. М. Межевича, В. Н. Стрелецкого, В. Ф. Туровского, Т. Н. Чекалиной и др.).

Библиография приграничного сотрудничества на востоке России, в частности с Китаем и Казахстаном, не менее обширна. Особые акценты сделаны на экономические и экологические аспекты проблемы. Значительное место в историографии занимают работы таких специалистов, как П. Я. Бакланов, Ю. И. Винокуров, С. С. Ганзей, И. П. Глазырина, Ю. А. Красноярова, А. М. Носонов, А. К. Тулохонов, М. Ю. Шинковский, и многих других. В качестве краткого вывода по результатам обзора библиографического массива отметим два обстоятельства. Во-первых, количество исследований исторической направленности, посвященных данной проблематике, крайне ограничено. Проблема все еще не вошла в домен истории, оставаясь частью актуальной практики. И, что не менее значимо, отсутствуют работы компаративного характера, позволяющие сопоставить тенденции в эволюции границ в ЦВЕ и на востоке континента, а также соотнести институты и механизмы трансграничных взаимодействий. Автор статьи взял на себя риск частично заполнить этот пробел.

Основные тенденции развития приграничных территорий стран ЦВЕ после коллапса советской системы влияния. Как полагает Л. Б. Вардомский, «главными факторами, определяющими структурные особенности и динамику приграничного сотрудничества, являются режим государственных границ, социально-экономические и этнокультурные качества приграничных территорий и полномочия региональных властей в осуществлении международной деятельности».⁵ Очевидно,

² Ibid. P. 5.

³ См.: Водичев Е. Г. Российско-казахстанское приграничье: возможности институциональных трансформаций и перспективы формирования трансграничных регионов // Изв. Алт. отд-ния Рус. геогр. о-ва. 2018. № 1 (48). С. 6–16.

⁴ Вардомский Л. Б. Российское экономическое пространство: вопросы единства в условиях глобализации: науч. докл. М., 2006. URL: <http://www.imepi-eurasia.ru/baner/vard1.doc> (дата обращения: 12.03.2019).

⁵ Там же.

что основные тенденции развития стран ЦВЕ в 1990-е — начале 2000-х гг. определялись перспективами интеграции, а затем и интеграцией с ЕС. Еще до присоединения к ЕС в странах ЦВЕ происходила быстрая эрозия границ: они утрачивали свою барьерную функцию, *de facto* трансформируясь в административные рубежи.

Этот процесс происходил ускоренными темпами еще и потому, что в самом ЕС в это время усиливалась региональная политика. Широкую популярность обрела концепция «Европы регионов». Страны ЦВЕ приняли новую для себя доктрину межрегионального сотрудничества, предполагающую реализацию совместных программ и проектов местными властями и социально-экономическими и социокультурными акторами, независимо от их государственной принадлежности. Теоретической базой данной концепции стала модель трех регионов, восходящая к работам П. Кругмана.⁶

Воплощением доктрины «Европы регионов» стала соответствующая региональная политика ЕС, выразившаяся, в частности, в создании в 1993 г. влиятельного Комитета регионов. Его деятельность основывалась на принципе субсидиарности, т. е. на передаче максимальной ответственности за принятие решений в сфере регионального развития местным органам власти.⁷ Создание этой структуры и появление значительного бюджета развития регионов, а также рост значимости трансграничных институтов (прежде всего программ ЕС INTERREG и СВС) резко увеличили возможности трансграничных взаимодействий стран ЦВЕ, что трансформировало приграничные территории в интегрированное пространство со значительным количеством регионов, развивающихся на основе согласованных стратегий.

Однако изменения на восточных границах ЕС носили более сложный характер. Несмотря на то что государства ЦВЕ, как и страны, возникшие в 1991 г. на осколках СССР, заявили о своей приверженности Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве,⁸

распространение на первые юрисдикции ЕС определило новый характер отношений с бывшим союзником. В то время как на западе Европы границы фактически исчезали, на востоке усиливались барьерные функции границы. На Россию был распространен визовый режим, изменились таможенные правила, административные регламенты и т. д. Если на западе Европы быстро нарастала численность интегрированных регионов, то на границе с Россией интеграция происходила гораздо более медленными темпами и более противоречиво. В условиях действия Соглашения о партнерстве и сотрудничестве ЕС с Россией (подписано в 1994 г., вступило в действие 1 декабря 1997 г.) были предприняты определенные усилия по развитию трансрегиональных взаимодействий. Однако они упирались в доктринальные ограничения и в различный правовой режим. Кроме политических факторов, свою роль играли слабые институты, а также плохое состояние пограничной инфраструктуры. Это отчетливо видно, например, при сопоставлении глубины трансграничных контактов на западных и восточных границах Польши накануне ее вступления в ЕС.⁹

При анализе трансграничных взаимодействий в Европе следует уделить особое внимание модели еврорегионов. Стремление к развитию трансграничных взаимодействий в странах ЦВЕ воплотилось в переносе практики еврорегионов на данные территории. Этот весьма «размытый» концепт обозначает различные формы сотрудничества на субнациональном уровне между муниципалитетами сопредельных государств. Соответственно, с одной стороны, еврорегион может рассматриваться как часть трансграничной территории, которая формируется из административно-хозяйственных единиц местного уровня различных государств, объединенных общими интересами; с другой — как некий «зонтичный проект», в рамках которого реализуются конкретные проекты и программы по развитию приграничных территорий.

Как правило, участниками еврорегионов являются не только органы управления, но и бизнес-структуры. Сотрудничество осуществляется в рамках программ, финансируемых из различных источников. При этом особо значимо привлечение ресурсов из фондов ЕС.

⁶ См.: Niebuhr A. Spatial Effects of European Integration: Do Border Regions Benefit Above Average? URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/7010873.pdf> (дата обращения: 12.03.2019).

⁷ См.: Бусыгина И. М. Стратегии европейских регионов в контексте интеграции и глобализации. М., 2002. С. 16.

⁸ Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей (ETS N 106). URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/20861554> (дата обращения: 12.03.2019).

⁹ См.: Strykiewicz T. The Changing role of border zones in the transforming economies of East-Central Europe: The case of Poland // *GeoJournal*. 1998. Vol. 44, iss. 3. P. 206.

Главными целями являются: ограничение барьерных функций границ и повышение экономической интеграции регионов; рост уровня жизни и его выравнивание по обе стороны границы; развитие экономических возможностей на основе синергетического эффекта; снижение уровня безработицы; улучшение экологической ситуации; развитие трансграничных связей; укрепление региональной идентичности и взаимопонимания местных сообществ на основе европейских ценностей.¹⁰

Опыт еврорегионов не всегда находит в Европе однозначно позитивные отклики. Встречается мнение, что широкое развитие данного института в странах ЦВЕ стало «данью моде». Однако очевидно, что это отражало углубление интеграционных процессов, их переход на качественно новый уровень, связанный с окончательной доминантой контактных функций границ над барьерными и с формированием интегрированных трансграничных регионов.

Следует отметить, что практика еврорегионов затронула и трансграничные пространства России и ЕС. На рубеже столетий такой механизм сотрудничества рассматривался как наиболее привлекательный, в особенности в Калининградской и Ленинградской областях, а также в Карелии.¹¹ В частности, еврорегион «Карелия», сформированный как результат углубленного российско-финского сотрудничества, считался одним из наиболее успешных.¹² Вместе с тем практика показала высокую зависимость таких механизмов от политической обстановки. Перелом в целом позитивного тренда в отношениях России и ЕС произошел в 2014 г. Ныне в условиях кризисных отношений вновь возрастают риски усиления барьерных функций границы и снижения масштабов трансграничного сотрудничества.¹³

Азиатское приграничье России: вектор трансформации после распада СССР и современные тренды. После коллапса СССР между его бывшими республиками стали формиро-

ваться полноценные государственные границы, и, как следствие, барьерные функции границ нарастали. Этот процесс был естественным и определялся национальным строительством в новых независимых государствах, формированием их собственной идентичности, в основном носившей национальный характер. На границах постсоветского пространства происходили процессы, во многом противоположные тем, что были характерны для стран ЦВЕ. Попытки компенсировать тенденции распада новыми межгосударственными институтами оказались не слишком успешными.

Очевидно, что такие факторы, как безвизовый режим, русскоязычное население, общая культура и история, способствовали развитию трансграничных контактов в российско-казахстанском приграничье. Граница, даже став государственной, сохранила свои контактные функции, однако возникли дополнительные сложности для экономики и населения приграничных территорий. Они дополнялись логистическими и инфраструктурными проблемами, оказывавшими дестимулирующее влияние на всю совокупность экономических и социокультурных отношений. После восстановления барьерных функций границы сразу же пришлось предпринимать действия по усилению ее контактности, но до полной прозрачности границ, вопреки заявлениям политических лидеров, дело пока еще не дошло.

Основным компонентом трансграничных взаимодействий стала торговля. Однако «базарная (или «челночная») экономика» в отношениях России и Казахстана не играла столь значимой роли, как в случае с Китаем. На межрегиональную и приграничную торговлю приходилось более 2/3 двустороннего товарооборота, который формировался главным образом за счет операций с углеводородным и минеральным сырьем. Торговые отношения России и Казахстана во многом остаются связанными с топливно-энергетическим комплексом. Соответственно, экономика российско-казахстанского приграничья развивается под сильным воздействием конъюнктуры на мировых рынках углеводородов и металлов.¹⁴

В целом, приграничье двух стран не испытало значительных структурных эффектов. Это стало следствием того, что их отношения

¹⁰ Ibid. P. 209; Балтийский регион как полюс экономической интеграции Северо-Запада Российской Федерации и Европейского Союза. Калининград, 2006.

¹¹ См.: Vodichev E. Transboundary territories of Russia and eurregions: Transfer of concepts and management practices // Трансформация социально-экономического пространства Евразии в постсоветское время. Барнаул, 2014. Т. 1. С. 58–67.

¹² См.: Кузнецов А. Еврорегионы: полвека малой интеграции // Современная Европа. 2008. № 2 (34). С. 58.

¹³ См.: Колосов В. А., Зотова М. В., Себенцов А. Б. Местное приграничное передвижение на российско-польской границе как инструмент трансграничной интеграции // Социально-экономические, геополитические и социокультурные проблемы развития приграничных районов России. М., 2016. С. 98.

¹⁴ См.: Вардомский Л. Б. Вопросы экономического развития и сотрудничества в приграничном поясе России // Фактор соседства в экономическом развитии приграничных регионов стран СНГ. М., 2010. С. 41.

складывались на основе восстановления ранее сформировавшихся связей. Сказались также такие факторы, как однородность экономик этих регионов и большие расстояния при низком уровне транспортной инфраструктуры. В итоге в российско-казахстанском приграничье все еще не возникло в полной мере интегрированных трансграничных регионов, а формирование интегративных стратегий на всех уровнях управления остается крайне актуальной задачей.¹⁵

Однако азиатское приграничье России включает в себя и еще большие пространства на «старых границах» с Китаем и Монголией, а также незначительную по протяженности границу с КНДР.¹⁶ Процессы, протекавшие в этой части азиатского приграничья, отличались значительным своеобразием. После распада СССР здесь не возникла потребность в усилении рубежных функций границ, которые всегда носили характер государственных с доминирующей барьерной ролью. Эта функция границ определялась и тем, что они оставались социокультурными рубежами, разделявшими народы с различными культурными традициями. В отношении Казахстана об этом факторе можно говорить лишь с высокой степенью условности, поскольку длительный опыт совместного прошлого привел к тому, что значительная часть общества разделяла общие ценности. Смешанный состав населения российско-казахстанского приграничья лишь усиливал эти тенденции, вызывая определенные опасения у руководства сопредельного государства, что, в частности, выразилось в переносе столицы на север страны.

Границы с Китаем и Монголией изменялись в рамках различных трендов. Монголия испытала на себе «все издержки» от распада СССР. Она надолго оказалась на периферии российского внимания — как федеральной политики, так и региональных интересов, за исключением этнически близкой ей Республики Бурятия и, в какой-то мере, небольших по площади и малонаселенных сопредельных районов Алтая и Тувы. Это привело к появлению визового режима, который был отменен лишь в 2014 г., и к резкому снижению масшта-

бов трансграничных взаимодействий. Барьерные функции границ нарастали, и говорить о возникновении взаимозависимых или интегрированных регионов явно не приходилось.

Границы с Китаем эволюционировали в ином направлении. В первой половине 1990-х гг. на фоне изменения вектора территориального управления в РФ в пользу регионов, а также улучшения отношений с восточным соседом происходило постепенное усиление контактности границы. Этому также способствовала принятая в Китае политика «приграничной открытости». На первоначальном этапе трансформация границ выразилась в появлении феномена «базарной экономики». Произошла существенная либерализация визового режима, в особенности для жителей приграничных территорий. Китайская Народная Республика стремилась использовать потенциал приграничья для развития своих периферийных территорий. В ряде приграничных провинций (например, в Хэйлунцзяне) региональные стратегии стали опираться на принципы внешнеэкономической открытости.

Быстро развивались потребности в интенсификации трансграничных коммуникаций. Огромный спрос на потребительские товары в России стимулировал создание производственной и логистической инфраструктуры на приграничных территориях КНР. Долгое время сохранявшееся у КНР преимущество в стоимости рабочей силы стало стимулом для освоения рынка РФ, которое происходило посредством проникновения и закрепления китайского капитала на приграничных территориях России. Формировались предпосылки для появления общих трансграничных пространств и создания территориальных брендов, таких, например, как «города-близнецы» Благовещенск — Хэйхэ и Забайкальск — Маньчжурия. Однако до интегрирования программ регионального развития дело не дошло ни в Хэйлунцзяне, ни в Южной Сибири, несмотря на имевшиеся для этого социоприродные предпосылки.¹⁷ Вместе с тем в КНР явно прослеживалось усиление внимания к развитию приграничного сотрудничества в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, роль которого в экономике Китая возрастает,¹⁸ при одновременном стремлении

¹⁵ См.: Носонов А. М. Приграничное сотрудничество регионов России и Казахстана // Социально-экономические, геополитические и социокультурные проблемы развития приграничных районов России. М., 2016. С. 138.

¹⁶ См.: Вардомский Л. Б. Вопросы экономического развития... С. 17.

¹⁷ См.: Современные трансформационные процессы в регионах Большого Алтая. Новосибирск, 2014.

¹⁸ См.: Vodichev E. Cross-border Interaction between Xinjiang and South Siberia in Central Asia: The “Big Altai” // Xinjiang: China’s Northwest Frontier. London; New York, 2016. P. 129–141.

ограничить влияние России в Центральной Азии в целом.

Однако развитие взаимодействия приграничных регионов России и Китая не получило необходимой институциональной поддержки. Сказались такие факторы, как корректировка политического курса РФ, опасение миграционных угроз, изменение конъюнктуры на рынках труда, нежелание России инвестировать в развитие инфраструктуры в точках соприкосновения интересов двух стран и др. Масштабное трансграничное сотрудничество потеряло перспективу, поскольку ставка была сделана на реализацию отдельных проектов, а акценты в торговле сместились из приграничных зон в центр.¹⁹ Считается, что взаимодействие с мощной экономикой КНР оказало угнетающее воздействие на различные отрасли РФ, производящие потребительские товары. Оно не способствовало структурной и технологической модернизации и усилило экологическую нагрузку на приграничные территории страны.²⁰ В настоящее время происходит политическое сближение России и Китая, которое, однако, пока не привело к корректировке стратегий регионального развития на трансграничных пространствах на основе взаимоприемлемых принципов.

Таким образом, с начала 1990-х гг. трансграничье стран ЦВЕ, вышедших из советской орбиты влияния и вошедших в ЕС, и азиатское приграничье России развивались в рамках во многом противоположной логики. В то время как контактность границ в ЦВЕ постоянно повышалась, достигнув максимума после расширения ЕС, коллапс СССР резко усилил барьерные функции границы РФ. Предпринятые после этого интеграционные усилия пока не привели к формированию трансграничных регионов. Если, следуя схеме О. Мартинеса, трансграничье ЦВЕ можно в полной мере рассматривать как интегрированное, то приграничные пространства Азиатской России — в лучшем случае как достигшие стадии взаимозависимых территорий. В большей степени это

относится к России и Казахстану, в меньшей — к приграничью России, Китая и Монголии.

Общей проблемой российского трансграничья является слабое развитие институтов. Опыт применения в ЦВЕ европейских практик позволяет поставить вопрос о возможности их использования в азиатской части России. Однако все оказывается не так просто: то, что широко использовалось в Европе, пока не имеет широких перспектив в азиатском приграничье. Причины этого разнообразны. Отметим лишь некоторые из них. Во-первых, политические контуры интеграции в России и в сопредельных странах совершенно иные, чем в государствах ЕС. Отношения с такими странами, как Казахстан, Китай и Монголия, принципиально отличаются между собой из-за разницы их политического веса и экономических потенциалов. При этом каждая из сторон руководствуется собственными амбициями, а их внешняя политика далека от уровня интеграции, который задается ЕС. Декларированный в России поворот на Восток также пока не принес желаемых дивидендов, поскольку Россия фактически оказалась в отношениях с Китаем в роли «младшего партнера».

Во-вторых, экономическая асимметрия в приграничных регионах также не способствует равноправному сотрудничеству в рамках единых программ. Во многих случаях стороны ориентируются на извлечение эффекта в краткосрочной перспективе, возлагая долгосрочные экономические потери и экологические издержки на соседей. Такая логика не согласуется с принципами еврорегионов, ориентированных на повышение эффективности экономики и качества жизни населения в трансграничных регионах по обе стороны границы.

В-третьих, противоречивую роль играет и наследие прошлого. В отношениях с Казахстаном опыт «совместного проживания», казалось бы, создает хорошие предпосылки для интеграции. Однако в условиях формирования национальной идентичности Казахстан опасается оказаться в роли одного из спутников на орбите бывшей метрополии. Во многих отношениях реальная интеграция в рамках ЕАЭС весьма далека от интеграции вербальной, суть которой также остается не до конца понятной.²¹

¹⁹ См.: Аблажей Н. Н. Российско-китайское межрегиональное и приграничное сотрудничество в 1990–2000-е гг. // Приграничье Азиатской России: подходы к анализу современных проблем. Новосибирск, 2011. С. 51.

²⁰ См.: Vodichev E., Glazutina I., Krasnoyarova B. Transboundary Cooperation on the East of Russia: Regional Development and Institutional Bottlenecks // Journal of Geography, Politics and Society. 2016. Vol. 6, iss. 2. P. 13–20.

²¹ См.: Буторина О. В., Захаров А. В. О научной основе евразийского экономического союза // Евразийская экономическая интеграция (ЕЭИ). 2015. № 2 (27). С. 52–68.

Следует отметить и то обстоятельство, что в приграничных регионах на востоке России отсутствуют какие-либо существенные признаки трансграничной идентичности. Евразийский нарратив пока вряд ли может рассматриваться как социокультурный императив, объединяющий трансграничные территории.

В-четвертых, во всех странах, имеющих общие границы с Россией в Азии, существует специфическая политическая культура и режим с явно выраженной авторитарной доминантой. Однако модель еврорегионов является следствием инициатив «снизу», формирующихся в среде гражданского общества. В России, как и у ее соседей в Азии, локальное сообщество не склонно к проявлению значимых инициатив, которые бы опережали государственные стратегии. Это противоречит самой природе еврорегионов как интенций локальных коммун, поддерживаемых муниципальными структурами и региональными властями.

В-пятых, все сопредельные страны на востоке России существуют в рамках кардинально различающегося правового поля. Апелляция к

принципам международного права далеко не всегда приносит результат. Между сопредельными странами не существует ничего близкого к тем принципам, которые возникли в рамках *Acquis Communautaire* («достояние сообщества», *фр.* — совокупность принципов, правил и норм) ЕС. Согласование нормативно-правовой базы сопредельных государств на трансграничных пространствах на всех уровнях ныне является более чем актуальной задачей.

Список подобных рисков, вызовов и ограничений можно было бы продолжить. Очевидно одно: прямое использование на востоке РФ успешных практик ЕС в ЦВЕ вряд ли возможно. Для этого не существует необходимых предпосылок, а препятствий более чем достаточно. Однако проблему институтов так или иначе придется решать, в противном случае задачи расширения трансграничного сотрудничества останутся лишь на бумаге. Опыт стран ЦВЕ предоставляет в этой связи огромный тезаурус знаний. Нужно лишь отказаться от соблазнов использовать его в формате простого копирования.

Eugeny G. Vodichev

Doctor of Historical Sciences, professor, Novosibirsk State Technical University; National Research Tomsk State University (Russia, Novosibirsk; Tomsk)
E-mail: *vodichev@mail.ru*

**EASTERN EUROPE AND ASIAN RUSSIA: COMPARATIVE ANALYSIS
OF CROSS-BORDER INTERACTIONS MECHANISMS**

The paper is a comparative analysis of the evolution of borders and transboundary territories in the countries of Central and Eastern Europe (CEE), now belonging to the European Union (EU), and the Asian part of Russia. The methodological basis of the article is the theory of transboundary interactions by Oscar Martinez, within which the alienated, coexisting, interdependent and integrated border regions are distinguished. The author presets characteristic of each of the selected formats of border and transboundary territories. Special attention is paid to the institutional aspects of cross-border cooperation in Europe, above all — to the model of Euroregions. The objectives and specifics of Euroregions as a mechanism for cross-border cooperation are described. The author notes the experience of using the institutional format of Euroregions on the borders of the European part of Russia and the EU member states. The basic trends and formats of cross-border interactions in the CEE countries and in the Asian part of Russia are shown. The peculiarities of cross-border interactions on the borders of Russia with Kazakhstan and the PRC are characterized. The concept of risks and restrictions in the development of the system of cross-border interactions in the east of Russia is formulated. The author draws a conclusion about fundamentally different development vectors and conditions for the integration of the CEE countries and the Asian part of Russia and neighboring countries, which makes it impossible to directly use the development mechanisms of Euroregions for cross-border territories on the east of Russia in the short and medium term.

Keywords: *borders, transboundary territories, cross-border cooperation, transboundary institutes, Central and Eastern Europe (CEE) countries, Euroregions, Asian Russia*

REFERENCES

- Ablazhey N. N. [Russian-Chinese interregional and cross-border cooperation in the 1990s–2000s] *Prigranich'ye Aziatskoy Rossii: podkhody k analizu sovremennykh problem* [The border of Asian Russia: approaches to the analysis of modern problems]. Novosibirsk: NGU Publ., 2011, pp. 33–52. (in Russ.).
- Baltiyskiy region kak polyus ekonomicheskoy integratsii Severo-Zapada Rossiyskoy Federatsii i Evropeyskogo Soyuza* [The Baltic region as a pole of the economic integration of the North-West of the Russian Federation and the European Union]. Kaliningrad: RGU Publ., 2006, 392 p. (in Russ.).
- Busygina I. M. *Strategii evropeyskikh regionov v kontekste integratsii i globalizatsii* [Strategies of European regions in the context of integration and globalization]. Moscow: AEVIS Publ., 2002, 75 p. (in Russ.).
- Butorina O. V., Zakharov A.V. [On the scientific basis of the Eurasian Economic Union]. *Evraziyskaya ekonomicheskaya integratsiya* [Eurasian Economic Integration], 2015, no. 2 (27), pp. 52–68. (in Russ.).
- KolosoV V. A., Zotova M. V., Sebentsov A. B. [Local border movement on the Russian-Polish border as a tool for cross-border integration]. *Sotsial'no-ekonomicheskkiye, geopoliticheskiye i sotsiokul'turnyye problemy razvitiya prigranichnykh rayonov Rossii* [Socio-economic, geopolitical and sociocultural problems of the development of border regions of Russia]. Moscow: Eslan Publ., 2016, pp. 97–107. (in Russ.).
- Kuznetsov A. [Euro-regions: half a century of “minor” integration]. *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe], 2008, no. 2 (34), pp. 48–59. (in Russ.).
- Martinez O. J. The Dynamics of Border Interaction. New Approach to Border Analysis. *World Boundaries*. London; New York: Routledge, 1994, vol. 1: Global Boundaries, pp. 1–5. (in English).
- Niebuhr A. Spatial Effects of European Integration: Do Border Regions Benefit Above Average? Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/7010873.pdf> (accessed: 12.03.2019). (in English).
- Nosonov A. M. [Cross-border cooperation of the regions of Russia and Kazakhstan]. *Sotsial'no-ekonomicheskkiye, geopoliticheskiye i sotsiokul'turnyye problemy razvitiya prigranichnykh rayonov Rossii* [Socio-economic, geopolitical and sociocultural problems of the development of border regions of Russia]. Moscow: Eslan Publ., 2016, pp. 127–139. (in Russ.).
- Sovremennyye transformatsionnyye protsessy v regionakh Bol'shogo Altaya* [Modern transformation processes in the regions of the Big Altai]. Novosibirsk: SO RAN Publ., 2014, 247 p. (in Russ.).
- Strykiewicz T. The Changing role of border zones in the transforming economies of East-Central Europe: The case of Poland. *GeoJournal*, 1998, vol. 44, iss. 3, pp. 203–213. (in English).
- Vardomsky L. B. [Issues of economic development and cooperation in the border zone of Russia]. *Faktor sosedstva v ekonomicheskoy razvitiy prigranichnykh regionov stran SNG* [Neighborhood factor in the economic development of border regions of the CIS countries]. Moscow: IE RAN Publ., 2010, pp. 11–46. (in Russ.).
- Vardomsky L. B. *Rossiyskoye ekonomicheskoye prostranstvo: voprosy yedinstva v usloviyakh globalizatsii. Nauchnyy doklad* [Russian economic space: issues of unity in the context of globalization. Scientific report]. Available at: <http://www.imepi-eurasia.ru/baner/ward1.doc> (accessed: 03.12.2019). (in Russ.).
- Vodichev E. Cross-border Interaction between Xinjiang and South Siberia in Central Asia: The “Big Altai”. *Xinjiang: China's Northwest Frontier*. London; New York: Routledge, 2016, pp. 129–141. (in English).
- Vodichev E. G. [The Russian-Kazakh border area: the possibilities of institutional transformations and the prospects for the formation of cross-border regions]. *Izvestiya Altayskogo otdeleniya Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Bulletin of the Altay Branch of the Russian Geographical Society], 2018, no. 1 (48), pp. 6–16. (in Russ.).
- Vodichev E. Transboundary territories of Russia and euroregions: Transfer of concepts and management practices. *Transformatsiya sotsial'no-ekonomicheskogo prostranstva Evrazii v postsovetskoye vremya* [Transformation of the socio-economic space of Eurasia in the post-Soviet period]. Barnaul: ALGU Publ., 2014, vol. 1, pp. 58–67. (in English).
- Vodichev E., Glazyrina I., Krasnoyarova B. Transboundary Cooperation on the East of Russia: Regional Development and Institutional Bottlenecks. *Journal of Geography, Politics and Society*, 2016, vol. 6, iss. 2, pp. 13–20. (in English).